

Политический миф, политическая реальность и политический идеал: три романа Гора Видала

Т. Kamarovskaya

Political Myth, Political Reality and Political Ideal: Three Novels by Gore Vidal

In his three novels, part of the pentalogy devoted to the past of the U.S.A. Gore Vidal carries on an investigation of the political myths which long ago exchanged in common consciousness the truth of real historical events and personalities. In the first two novels, "Burr" and "1876", he dethrones these myths, debunks the heroes of national history. But in "Lincoln" his satire gives way to mild humor for he sees in his protagonist the ideal of a political leader dedicated to his country and its preservation to the last.

В 70-е годы американский исторический роман пережил полосу нового подъема, связанного в первую очередь со стремлением подвести итоги накануне 200-летия страны. Этим стремлением обусловлено очередное в XX веке обращение к истокам - тема Войны за независимость вновь завоевывает пальму первенства в историческом романе США. Из многочисленных исторических романов, приуроченных к этой дате /"Вэлли Фордж" М.Кэнтора, "Сентенниэл" Дж.Миченера и др./, глубиной и охватом исследования исторической реальности, эстетическими достоинствами выделяется "Бэrr" Гора Видала, первый из цикла романов, трактующих американскую историю на протяжении двух столетий, воскрешающий /в ретроспекции/ времена Войны за независимость и первых лет существования американского государства.

Написанный в 1973 году, "Бэrr"¹ отражает тенденцию, свойственную американской литературе начала новой декады, - тенденцию аналитического художественного исследования реальности, подведения общественных и духовных итогов бурных 60-х годов; своим появлением роман внес вклад в полемику о соотношении государственной власти и правах и свободах личности и их гарантиях, занимавшую важное место в общественном сознании американцев первой половины 70-х годов и широко отраженной художественной литературой. Заново прочитывая американскую историю, сопоставляя Начало с реальностью 30-х годов XIX века и проверяя то и другое современной ему общественно-политической практикой 70-х годов, Видал приходит к выводу, что государственная, политическая система США с самого момента своего зарождения была заражена коррупцией, основана на стремлении к власти и идеалах денежного мешка, не имела никакого соответствия с принципами "Декларации независимости". Эта мысль - стержень романа определяет и прочтение автором истории США, сводящееся к осмеянию и

¹ Русский перевод "Иностранная литература", 1977, № 7-10

безжалостному разоблачению всех святынь национальной истории: революции, ее героев, отцов-основателей, ее идеалов, закрепленных в "Декларации независимости".

Сама революция рассматривается автором не как действие широких народных масс, поднявшихся на борьбу за свободу и независимость своей родины, но как деятельность "горстки честолюбивых адвокатов"¹. Следует отметить, что одним из отправных пунктов философии истории Гора Видала, воплощенной в его исторических романах, является мысль о том, что историю творит Личность /Вашингтон, Джефферсон, Линкольн/, а не массы, сливающиеся в его сознании с толпой. Движущие пружины революции Видал видит в "амбициях нескольких жадных и тщеславных адвокатов, умеющих хитро замаскировать свои личные интересы под покровом возвышенных банальностей и туманного политического теоретизирования Джефферсона"². Под последним имеется в виду святая святых национальной истории - "Декларация независимости". Столь же уничижительной оценке подверглись и дух воинов-патриотов, которых в армию привела якобы жажда денег и которые всегда предпочитали в битвах отступление, и I и II Континентальные конгрессы представителей колоний - "банда воров и демагогов, называющих себя Конгрессом"³. В романе Видала достается всем отцам-основателям: Вашингтону, Джону Адамсу, Монроу, Джефферсону. По отношению к Вашингтону автор особенно безжалостен, по истине сокрушая этого, по его мнению, глиняного колосса. Бездарный военачальник, нерешительный и безинициативный, способный наносить поражения только своим соперникам по власти, самовлюбленный, склонный к монархическим замашкам - таким предстает этот величайший герой национальной истории в романе Видала. Автор обвиняет его в неумелом ведении битв, возлагает на него ответственность за все неудачи и поражения в войне. Следует оговориться, что выраженная в книге оценка исторических событий официально принадлежит герою романа, Аарону Бэру. Точка зрения автора нигде прямо не выражена. Отсутствие четко обозначенной позиции автора в романе, выбор героя, обуславливающий именно такое освещение и оценку воссозданных исторических событий и лиц, сквозная ирония всего повествования, свойственная не только пласту речи Бэрра, но и других персонажей, в первую очередь Скайлера, проникающая всю ткань романа, как бы объединяющая все точки зрения в одно целое, придающая идейно-художественное единство роману, позволяют говорить о слиянии его позиции с позицией героя, позволяют отождествлять их.

В своем скептическом отношении к "славному прошлому" родной страны Гор Видал не был первопроходцем. Традиция обнажения язв общества, срывания всяческих масок берет начало в американской литературе с "разгребателей грязи", а еще раньше - с "Позолоченного века" Марка Твена; ростки ее очевидны уже в "Моникинах" Купера. Если рассматривать жанры, типологически более близкие историческому роману, то здесь прямым

¹ Vidal G. Burr. -N.Y., 1973.-P.43.

² Ibid.-P.83.

³ Ibid.-P.88.

предшественником Видала являются, безусловно, "дебункеры" в документально-художественной биографии. Что же касается романов, которые последнее время часто незаслуженно, на наш взгляд, называют историческими*, то здесь непосредственными предтечами "Бэрра" является "Демократия" /1880/ Генри Адамса и "Разгул" /1926/ Самуэля Хопкинса Адамса. Последний роман, строением интриги перекликающийся, кстати, с "Демократией", непредвзято описывает политическую коррупцию, казнокрадство, взяточничество, спекуляции и аферы, которыми "прославилась" администрация Гардинга. Тенденция разоблачения сложившегося в общественном сознании героического мифа об американской революции отличала и роман У.Эдмондса "Барабаны над Могавком", и цикл романов о революции Говарда Фаста.

Впрочем, нигилистическое отрицание не являлось сверхзадачей Гора Видала при написании "Бэрра". Сам писатель так объяснял мотивы написания своего романа: "Сумбур, неразбериха, коррупция в мире американской политики заставили меня задуматься над вопросом: как же случилось, что все мы, американцы, оказались в таком положении? Я стал искать корни и причины"¹. Его роман, так явно созвучный современности, в котором нельзя не увидеть параллели с Уотергейтом /сцена суда над Бэрром, несправедливый приговор Бэрру только за то, что его демократические взгляды разошлись со стремлением правящей клики к усилению централизации, к олигархии/, был направлен в первую очередь на защиту демократических свобод, наступлением на которые было отмечено начало 70-х.

"Бэrr" Видала воплощает стремление автора поставить современные проблемы на историческом, документальном материале, проследив американскую историю, через нравственные критерии понять и оценить настоящее. Зародыш глубоких неизгладимых противоречий, потрясающих американскую социальную и политическую систему, отзвук политических скандалов конца XX века /например, Уотергейта/, тенденции к ограничению демократии автор находит в далеком прошлом, что побуждает его к дегероизации этого прошлого, лишению событий и лиц героического ореола. Осуждение настоящего страны приводит его к развенчанию ее прошлого.

Роман Видала внес значительный вклад в процесс демифологизации прошлого, обозначившийся в начале 70-х в американской историографии и общественном сознании. Конфликт рационалистического сознания и сознания мифологического является одной из тем этого романа.

Несомненной авторской удачей стал образ Аарона Бэрра, воплощающий это рационалистическое сознание, свойственное веку Просвещения. Умный, тонкий, ироничный, аналитически мыслящий Бэrr, доверяющий только фактам и не боящийся взглянуть в лицо правде - верный наследник XVIII столетия, не признающего кумиров, кроме Знания и Истины. Он легко узнаваем как тип

-
- Эти романы, написанные по следам события, лишенные временной дистанции между изображаемой реальностью и временем написания, этого важного условия существования исторического романа, являются, по нашему мнению, романами политическими, а не историческими.

¹ Vidal G. Burr .-N.Y., 1973.-P.III.

исторический, чего не скажешь о других героях романа. В его характере Видалу удалось передать интеллектуальный и эмоциональный тип воссоздаваемой эпохи, и в то же время он воспринимается как живой человек со всеми, присущими только ему, особенностями. А вот другие исторические персонажи, возникающие в воспоминаниях Бэрра, такими не представляются, возможно, вследствие своеобразного ракурса изображения. Все они представлены только как политические деятели, только через призму соответствия интересам и нуждам страны, что обедняет их образы в романе и не способствует восприятию их как живых представителей эпохи. Даже Чарльз Скайлер, сюжетно скрепляющий все повествование, воспринимается не как герой своего времени, но, скорее, как новый Адам, готовый совершить грех. Идея истории воссоздается Гором Видалом в этом романе на двух исторических уровнях - времен Войны за независимость и 30-х годов XIX века, и именно она, приходя в конфликт с мифологизированным сознанием, с идеей истории, как она сложилась в массовом сознании, благодаря недобросовестности историков, представивших общественности отлакированный вариант отечественной истории, удаливших из нее все темные пятна, взрывает общепризнанные исторические представления. Собственно, процесс демифологизации истории является одной из тем романа. Ключевой для раскрытия этой темы является сцена встречи Скайлера, желающего с помощью Бэрра воссоздать подлинную историю Войны за независимость, с Вашингтоном Ирвингом, к тому времени - не только первым писателем Америки, но общепризнанным историком, автором жизнеописания Вашингтона. Именно в уста Ирвинга автор вкладывает слова, выражающие подход официальной историографии к освещению исторического прошлого: "Не лучше ли нам написать свою, приемлемую версию нашей истории, а грустные и менее поучительные детали забросить на чердак, где им и место?"

Следующий роман дилогии, "1876", продолжает основную линию "Бэрра", линию разоблачения государственных основ и общественного устройства страны, празднующей свой столетний юбилей. Темой этого романа становятся подробно описанные политические скандалы и разоблачения, отметившие последний год правления администрации Улисса Гранта и охватившие социальные круги вплоть до самого президента. Но нельзя не согласиться с А.С.Мулярчиком¹, что новая книга Видала проигрывала "Бэрру" как по масштабу изображаемых событий, так и вовлеченных в них личностей. Герои, вернее, антигерои, "1876" - Хейс, Тилден, Конклинг и генерал Грант на закате своей славы - фигуры несоизмеримые с Вашингтоном, Джефферсоном, Гамильтоном даже в том варианте, какими изобразил их Гор Видал в "Бэрре". Т.Н.Денисова² очевидно права, высказывая в одной из своих статей предположение, что исторический процесс измельчания личностей и нарастающего духовного и социально-политического гниения системы сознательно поставлен писателем в эпицентр произведения. Рассматриваемые

¹ .Мулярчик А.С. Послевоенные американские романисты. – М., 1980.-С.258.

² Денисова Т. Н. Проверяется масштаб истории. Проблема личности в новейшем романе США в свете эстетики ленинизма// Ленинизм и развитие реализма как мировой эстетической системы. – Киев, 1987г.

под этим углом зрения, с точки зрения стабильности и надежности политической системы страны как гаранта демократии и прогресса, ее нравственной оправданности эти два романа, вместе с "Империей" /1989/, пятым романом исторической саги Видала, повествующим о превращении США в империю на рубеже XIX-XX веков, сопровождавшимся сращиванием капитала, политического аппарата и прессы, позволяют сделать вывод о философии истории автора, который, если и воспринимает историческое движение как движение, осуществляющееся по спирали, то считает его нисходящим, а не восходящим. У Видала, если все и возвращается на круги своя, то в нравственном отношении - главном критерии автора при вынесении исторической оценки событию или явлению - каждый новый круг безусловно хуже предыдущего. Историческая концепция Г. Видала - концепция регресса.

Тема столкновения сознания рационалистического и сознания мифологического является основной и для "1876"¹. Носителем рационалистического сознания является здесь Чарльз Скайлер как духовный наследник и прямой потомок Аарона Бэрра, снова нелицеприятный свидетель пороков, порожденных системой. Идея истории воссоздается на уровне восприятия действительности Скайлером и другими героями романа и, приходя в конфликт с историческим мифом, укоренившимся в массовом сознании, содействует разрушению мифа, что и являлось художественной задачей автора романа.

Следующий роман Видала продолжает исследование вечно тревожащего как писателя, так и других его американских коллег вопроса, насколько Конституция, государственное устройство США, являются гарантом демократии, существует ли опасность установления тоталитарного режима в стране. Для анализа соотношения прав личности и нужд государства в тот или иной исторически переломный момент, для осмысления проблемы сильного лидера, ставшего во главе государственного корабля, давшего течь, - каков должен быть его политический курс, имеет ли он право на нарушение конституционных, демократических норм жизни для спасения государства? - Видал выбирает исторического героя, наиболее популярного и любимого в США, известного своей демократичностью, прославившегося как освободителя негров - президента Линкольна /роман "Линкольн", 1984/.

Основные векторы в концепции образа Линкольна, созданного Видалом, — неумное честолюбие, властолюбие протагониста и его всепоглощающая преданность Союзу штатов, который он намерен сохранить любой ценой, даже преступив через все демократические установки и завоевания предыдущего столетия. Обвинение в этих, столь неожиданных для читателя склонностях президента, бросает Линкольну Стивен Дуглас, побежденный им соперник по президентским выборам. Припоминая Линкольну его раннюю речь, в которой оратор сетовал на то, что основатели Республики забрали себе всю славу, ничего не оставив своим последователям, и что великий человек жаждет славы и будет добиваться ее, за счет ли освобождения рабов или закабаления свободных людей - не важно, Дуглас прямо обращается к Линкольну с вопросом: "В Вашей власти ... освободить рабов или закабалить нас всех. На

¹ Русский перевод "Иностранная литература", 1986, № 4,5.

что Вы пойдете?"¹. Линкольн не дает ему ответа, но его дает автор всем ходом своего повествования, логикой раскрытия характера героя. Последующие действия Линкольна, кажется, призваны подтвердить обвинения Дугласа в том, что властолюбие и честолюбие движут Президентом скорее, чем желание сохранить Союз и защитить свободу. В обход решений Конгресса, используя нажим на Кабинет, Линкольн добивается принятия самых непопулярных решений, нарушающих *habeas corpus*, усекающих демократические свободы в стране и права личности, или самолично отдает приказ о проведении их в жизнь. С шокирующим политическим цинизмом говорит он о том, что членов не подчинившейся ему легистратуры можно, обвинив их в предательстве, держать в тюрьме как угодно долго: "подобные процессы бесконечны и безжалостны к невиновным, которые легко могут быть признаны виновными"² Возмущенному Сиорду, пытающемуся защитить "самую древнюю из наших свобод", он поясняет свою позицию: "... самая древняя черта людей - желание выжить. Чтобы Союз выжил, я счел необходимым приостановить действие *habeas corpus*...",³.

Преданность делу сохранения страны, Союза штатов, и готовность принести себя в жертву этому великому делу возвышают в глазах Видала Линкольна. Поэтому образ Линкольна - единственный положительный образ в галерее портретов политических деятелей, созданной Видалом, окрашенный авторской симпатией. Едкая ирония, злая сатира - излюбленные Видалом стилистические средства при написании портретов его политических персонажей, уступают место при создании образа Линкольна мягкой иронии, отчетливо ощущаемой субъективной авторской заинтересованности в герое, сочувствия ему. Впервые Видал не прячется за персонажами, а открыто, устами Хэя в конце романа, выражает свое отношение к герою. Он ставит его в истории выше Вашингтона, потому что у Линкольна была более сложная задача, ему пришлось взять на себя гораздо большую нравственную ответственность за судьбу страны. Объявив приоритет и незыблемость Союза как основной принцип своей политики, он принял на себя ответственность за разразившуюся гражданскую войну и сумел в ней победить, не допустив выхода южных штатов из состава Союза, имевших на то все юридические права. Он не только сумел сохранить страну, но и дал начало ее новой жизни, импульс ее дальнейшему развитию. Именно этим - высоким чувством личной ответственности за судьбу страны, готовностью пожертвовать собой ради ее спасения - дорог Линкольн скептику в политике Гору Видалу. Мерилом личности Линкольна, как и других героев исторических романов Видала, являются нравственный критерий и критерий соответствия исторической личности политическим нуждам и запросам страны в тот или иной момент ее развития. И с точки зрения этого критерия Линкольн как личность и как исторический персонаж заслуживает самую высокую оценку автора. Личностные качества героя совпали, оказались необходимыми для страны в

¹ Vidal G. Lincoln. -N.Y., 1984.-P.149.

² Vidal G. Lincoln. -N.Y., 1984.-P.202.

³ Vidal G. Lincoln. -N.Y., 1984.-H.203.

переживаемый ею критический момент: и его честолюбие, властолюбие, и беспринципность в сиюминутной политической жизни, позволившая реализовать меры, необходимые для спасения страны, и редкостное умение обезоруживать своих политических соперников. Отсюда - толерантное нравственное отношение к ним самого автора. Стране необходим был сильный лидер, сумевший идти к цели, невзирая на средства ее достижения, сумевший спасти ее, - таким оказался Линкольн. Но понимание нравственной оправданности его действий, его политики катастрофическим положением страны не затмевает для автора самой сути вопроса о соотношении диктатуры и демократии, о ненадежности американской демократии. Он в ужасе от того, что "два юриста и один генерал отобрали у всего народа его нерушимое право, которое оказалось, при малейшем испытании, таким уязвимым" ¹ Хрупкость, уязвимость демократических свобод в стране, возможность установления тоталитарной власти беспокоят Гора Видала, и отсюда его настойчиво повторяющаяся в романе мысль о том, что диктатора, даже необходимого для спасения страны, следует убрать, как только такая необходимость исчезает. Отсюда в романе мотив обреченности Линкольна, предчувствие конца, которое постоянно возникает у героя. А в конце романа автор устами Хэя прямо говорит о том, что его герой "... спровоцировал собственное убийство как искупление за великое и страшное свое деяние - за то, что он дал второе рождение стране таким кровавым путем" ². По Видалу, авторитарный режим и демократия взаимоисключают друг друга, даже когда авторитарный режим необходим для спасения демократии.

Из всех рассмотренных исторических романов Видала автор "Линкольна" менее всего заинтересован в воссоздании идеи истории, как она осмысливалась людьми изображаемой эпохи. За исключением Линкольна, остальные персонажи мыслят, чувствуют и воспринимают события скорее как современные автору политические деятели (социальный круг, хорошо знакомый Видалу, учитывая его близость к клану Кеннеди). Можно предположить, что социально-политические проблемы, которым посвящен роман, слишком увлекли писателя, заставив его решать их на материале, только закамуфлированном под историю. Подобные просчеты исторического романиста дают основания для мнения, существующего у некоторых литературоведов по поводу жанровой природы романов Гора Видала, причисляющих их к романам политическим.

Рассмотренные романы Гора Видала стали ярким проявлением историографической концепции, отмечающей миф об особом историческом пути Соединенных Штатов, настаивающей на том, что история страны подчинена и развивается согласно всеобщим социально-экономическим законам, концепции, превалирующей в историческом романе США 70-80-х годов.

¹ Vidal G. Lincoln. -N.Y., 1984.-P.206.

²Ibid.-P.859.